ИГОРЬ СѢВЕРЯНИНЪ

АНАНАСЫ ВЪ ШАМПАНСКОМЪ

ПОЭЗЫ

1915

ИЗД.
„НАШИ ДНИ"
МОСКВА

ИГОРЬ СѢВЕРЯНИНЪ.

АНАНАСЫ ВЪ ШАМПАНСКОМЪ.

ПОЭЗЫ.

ИЗД. „НАШИ ДНИ".

МОСКВА.—1915.

I.

РОЗИРИСЪ.

Москва. — 1915.
ТИПОГРАФІЯ В. М. САБЛИНА
Петровка, д. 26. Тел. 131-34.

УВЕРТЮРА.

Ананасы въ шампанскомъ! Ананасы въ шампанскомъ!
Удивительно вкусно, искристо и остро!
Весь я въ чемъ-то норвежскомъ! весь я въ чемъ-то испанскомъ!
Вдохновляюсь порывно! и берусь за перо!

Стрекотъ аэроплановъ! бѣги автомобилей!
Вѣтропросвистъ экспрессовъ! крылолётъ буэровъ!
Кто-то здѣсь зацѣлованъ! тамъ кого-то побили!
Ананасы въ шампанскомъ — это пульсъ вечеровъ!

Въ группѣ дѣвушекъ нервныхъ, въ остромъ обществѣ дамскомъ
Я трагедію жизни претворю въ грёзофарсъ...
Ананасы въ шампанскомъ! Ананасы въ шампанскомъ!
Изъ Москвы — въ Нагасаки! изъ Нью-Іорка — на Марсъ!

1915. Январь.
Петроградъ.

ГРАНДІОЗЪ.

Грааль-Арельскому.

Всѣ наслажденья и всѣ эксцессы,
Всѣ звѣзды міра и всѣ планеты
Жемчужу гордо въ свои сонеты, -
Мои сонеты — колье принцессы!

Я надѣваю, подъ взрывъ оркестра,
Колье сонетовъ (размахъ измѣрьте!)
Да, надѣваю рукой маэстро
На шею Дѣвы. Она—Безсмертье!

Она внѣ міра, она безъ почвы,
Безъ окончанья и безъ начала...
Ничто святое ее зачало...
Кто усомнится—уйдите прочь вы!

Она безмѣстна и повсемѣстна,
Она невинна и сладкогрѣшна,
Да, сладкогрѣшна, какъ будто бездна,
И точно бездна—она безбрежна.

Подъ барабаны, подъ кастаньеты,
Всѣ содроганья и всѣ эксцессы
Жемчужу гордо въ колье принцесы,
Не знавшей почвы любой планеты...

1910. Іюнь.

ВЪ КОЛЯСКѢ ЭСКЛАРМОНДЫ.

Я ѣду въ среброспицной коляскѣ Эсклармонды
По липовой аллеѣ, упавшей на курортъ,
И въ солнышкахъ зеленыхъ лучатъ волособлонды
Зло-спецной Эсклармонды шаплетку-фетротортъ...

Морѣетъ: шинамъ хрустче. Бездумно и безцѣльно.
Двѣ раковины дѣвы впитали океанъ.
Онъ плещется дессертно,—совсѣмъ мускатъ-люнельно,—
Струится въ мозгъ и въ глазы, по человѣчьи пьянъ...

Взорвись, какъ бомба, солнце! Порвитесь, пѣны блонды!
Нѣтъ больше океана, умчавшагося въ ту,
Кто носитъ имя моря и солнца—Эсклармонды,
Кто на землѣ любезно мнѣ замѣнилъ мечту!

Екатеринославъ.
1914. Февраль.

БАРБАРИСОВАЯ ПОЭЗА.

Гувернантка - барышня
Вноситъ въ кабинетъ
Въ чашечкахъ фарфоровыхъ
Crème d'epine vinette.

Чашечки неполныя
Дѣвственны на видъ.
Въ золотой печенницѣ
Англiйскiй бисквитъ.

Въ кабинетѣ общество
Въ девять человѣкъ.
Окна въ садъ растворены,
Въ садъ, гдѣ рѣчи рѣкъ.

На березахъ отсвѣты
Неба. О, капризъ! —
Волны, небо, барышня
Цвѣта „барбарисъ“.

И ея сіятельство
Навела лорнетъ
На природу, ставшую
Crème d'epine vinette...

Мыза „Ивановка“.
1914. Іюль.

ЦВѢТОКЪ БУКЕТА ДАМЪ.

Въ букетѣ дамъ Амьенскаго beau mond'a
Звучнѣе всѣхъ риѳмуетъ съ резедой
Bronze-oxidè блондинка Эскпармонда,
Цвѣтя бальзаколѣтнею звѣздой.

Она остра, какъ квинтъ-эссенца специй,
Ея бравадамъ нуженъ резонансъ,
Въ любовники беретъ „господъ съ трапеций"
И, такъ сказать, смакуетъ mesalliance...

Условностямъ всегда бросаетъ: „schoking!"
Экстравагантно выпускаетъ лифъ,
Лорнируетъ базарно каждый смокингъ,
Но не во всякомъ смокингѣ *калифъ...*

Какъ устрицу, глотаетъ съ аппетитомъ
Дежурнаго огейзерную дань...
При этомъ всемъ—со вкусомъ носитъ титулъ,
Иной щекѣ даря свою ладонь.

1911. Февраль.

ВЪ БЛЕСТКОИ ТЬМѢ.

Вь смокингахъ, въ шикъ опробоpенные, великосвѣтскіе
олухи
Вь княжьей гостиной наструнились, лица свои оглупивъ:
Я улыбнулся натянуто, вспомнилъ сарказмно о порохѣ.
Скуку взорвалъ неожиданно нео-поэзный мотивъ.

Каждая строчка--пощечина. Голосъ мой—сплошь издѣ-
вательство.
Риѳмы слагаются въ кукиши. Кажетъ языкъ ассонансъ.
Я презираю васъ пламенно, тусклыя Ваши Сіятельства
И, презирая, разсчитываю на міровой резонансъ!

Блесткая аудиторія, блескомъ ты зло отуманена!
Скрытъ отъ тебя, недостойная, будущаго горизонтъ!
Тусклыя Ваши Сіятельства! Во времена Сѣверянина
Слѣдуетъ знать, что за Пушкинымъ были и Блокъ,
и Бальмонтъ!

1913.

ВЪ ЛИМУЗИНѢ.

Она вошла въ моторный лимузинъ,
Эскизя страсть въ корректномъ кавалерѣ,
И въ хрупотѣ танцующихъ резинъ
Возстановила голосъ Кавальери.

Кто звалъ ее на лѣстницѣ: „Manon?"
И ножки ей въ прохладномъ вестибюлѣ,
Хотя она и бросила: „mais non!"—
Чьи руки властно мѣхово обули?

Да все же онъ, пустой какъ шантеклеръ,
Проборчатый, офраченный картавецъ,
Желательный для многихъ кавалеръ,
Использованный многими красавецъ.

О, женщина! Зови его въ турнэ,
Бери его, пожалуй, въ будуары...
Но не води съ собою на Массиэ:
Письмо Масснэ... Оно не для гитары!..

1910. Іюль.

НА ОСТРОВАХЪ.

Въ ландо моторномъ, въ ландо шикарномъ
Я проѣзжаю по островамъ,
Пьянѣя встрѣчнымъ лицомъ вульгарнымъ
Среди дамъ просто и „этихъ“ дамъ.

Ахъ, въ каждой „феѣ“ искалъ я фею
Когда-то раньше. Теперь не то.
Но отчего-же я огневѣю,
Когда мелькаетъ вблизи манто?

Какъ безотвѣтно! какъ безвопросно!
Какъ гривуазно! но всюду—боль!
Въ аллеяхъ сорно, въ куртинахъ росно,
И въ каждомъ франтѣ живъ Рокамболь.

И что тутъ прелесть? и что тутъ мерзость?
Безстыжъ и скорбенъ ночной пуантъ.
Кому бы бросить наглѣе дерзость?
Кому бы нѣжно поправить бантъ?

1911. Май.

ВАЛЕНТИНА.

Валентина, сколько счастья! Валентина, сколько жути!
Сколько чары! Валентина, отчего-же ты грустишь?
Это было на концертѣ въ медицинскомъ институтѣ,
Ты сидѣла въ вестибюлѣ за продажею афишъ.

Выскочивъ изъ ландолета, дѣвушками окруженный,
Я стремился на эстраду, но, меня остановивъ,
Предложила мнѣ программу, и, тобой завороженный,
На мгновенье задержался, созерцая твой извивъ.

Ты зашла ко мнѣ въ антрактѣ (не зови его пробѣломъ)
Съ тайной розой, съ красной грезой, съ бирюзовою грозой
Глазъ восторженныхъ и наглыхъ. Ты была въ простомъ и бѣломъ,
Говорила очень быстро и казалась стрекозой.

Этотъ день!.. Съ него—начало. Телефоны и открытки.
Къ начинаньямъ поэтессы я былъ очень милосердъ,
И когда уже ты стала кандидаткой въ фаворитки,
Ты меня сопровождала ежедневно на концертъ.

А потомъ... Купэ. Деревня. Много снѣга, лѣса. Святки.
Замороженныя ночи и крещенская луна.
Домикъ. Нѣжно и уютно. Упоенье безъ оглядки.
Валентина безразсудна! Валентина влюблена!

Все прошло, какъ все проходитъ. И простились мы
неловко:
Я „обманщикъ", ты сердита, т.-е. просто трафаретъ.
Валентина, плутоглазка! остроумная чертовка!
Ты чаруйную поэму превратила въ жалкій бредъ!

1914. Мартъ.

ТЕБѢ, МОЯ КРАСАВИЦА!

Аріадниной мамочкѣ.

Вуаль свѣтло́-зеленая съ сиреневыми мушками
Была слегка приподнята надъ розовыми ушками.
Вуаль была чуть влажная, она была чуть теплая,
И ты мнѣ улыбалася, красивая и добрая...
Смотрѣла въ очи ласково, смотрѣла въ очи грезово,
Тревожила уснувшее и улыбалась розово.
И я не слышалъ улицы со звонами и гамами,
И сердце откликалося взволнованными гаммами.
Шла ночь, шурша кокетливо и шлейфами, и тканями,
Мы бархатною сказкою сердца другъ другу ранили.
Атласныя пожатія... рожденія и гибели...
Отливы... содроганія... круженія и прибыли...
Да развѣ тутъ до улицы со звонами и шумами?!.
Да развѣ тутъ до города съ пытающими думами?!.
Кумирню строилъ въ сердцѣ я, я строилъ въ сердцѣ
па́годы...
Ахъ, губки эти алыя и сочныя, какъ ягоды!
Разстались... для чего̀, спроси... я долго грезилъ въ
комнатѣ...

О, глазки въ слезкахъ-капелькахъ, мои глаза вы помните?
Вы помните? вы вѣрите? вы ждете! вы, кудесные!
Онѣ неповторяемы мгновенности чудесныя!..
Я требую настойчиво, приказываю пламенно:
Исчезни все, мнѣ чуждое! исчезни, городъ каменный!
Исчезни все, гнетущее! исчезни, вся вселенная!
Все краткое! все хрупкое! все мелкое! все тлѣнное!
А мы, моя красавица, утопимся въ забвенiи,
Очаровавъ порывностью безстрасное мгновенiе!..

1910. Январь.

ПОЭЗА О ТЫСЯЧА ПЕРВОМЪ ЗНАКОМСТВѢ.

Лакей и сенъ-бернаръ—ахъ, оба баритоны!—
Встрѣчали насъ въ дверяхъ отвѣтомъ на звонокъ.
Камеліи. Ковры. Гостиной сребротоны.
Два пуфа и диванъ. И шесть безшумныхъ ногъ.

Мы двое къ ней пришли. Она была чужою.
Онъ зналъ ее, но я представленъ въ этотъ разъ.
Мнѣ сдержанный привѣтъ, и сенъ-бернару Джою
Уйти куда-нибудь и не мѣшать—приказъ.

Салонный разговоръ, удобный для аббата,
Для доблестной ханжи и столь же для гетеръ.
И мы уже не мы: Альфредъ и Травіата.
И вотъ уже оркестръ. И вотъ уже партеръ.

Такъ: входимъ въ роли мы совсѣмъ непроизвольно.
Но рѣжетъ сердце мнѣ точеный комплиментъ.
Какъ больно говорить! Какъ нестерпимо больно,
Когда предвидишь вотъ любой, любой моментъ!

Все знаемъ напередъ: и будетъ то, что смято
Когда-то, кѣмъ-то, какъ и гдѣ—не все равно ль?
И въ ужасѣ, въ тоскѣ,—Альфредъ и Травіата,—
Мы шутимъ—*какъ тогда*! лелѣя нашу боль...

1914. Осень.

ВЪ ОСѢНОКОШЕННОМЪ ІЮЛѢ.

Іюль блестяще осѣнокошенъ.
Ахъ, онъ уходитъ! держи! держи!
Лежу на шелкѣ зеленомъ пашенъ,
Вокругъ—блондинки, косички ржи.

О, небо, небо! твой путь воздушенъ!
О, поле, поле! ты—грезы верфь!
Я онебесенъ! Я оноздѣшенъ!
И Богъ мнѣ равенъ, и равенъ червь!

1911. Іюль.
„Дылицы“.

РОДНИКЪ.

Восемь лѣтъ эту мѣстность я знаю.
Уходилъ, приходилъ,—но всегда
Въ этой мѣстности бьетъ ледяная
Неисчерпываемая вода.

Полноструйный родникъ, полнозвучный,
Мой родной, мой природный родникъ,
Вновь къ тебѣ (ты не можешь наскучить!)
Неотбрасываемо я приникъ.

И свѣтло мнѣ глаза оросили
Слезы гордаго счастья, и я
Восклицаю: ты—символъ Россіи,
Изнѣдривающаяся струя!

Мыза „Ивановка“.
1914. Іюль.

КЪ ЧЕРТѢ ЧЕРТА.

Какою нѣжностью неизъяснимою, какой сердечностью
Освѣтозарено и олазорено лицо твое,
Лицо незримое, отожествленное всечертно съ Вѣчностью,
Твое; — но чье?

Въ вагонѣ поѣзда, на каждой улицѣ и въ сновидѣніи,
Въ театрѣ ль, въ рощѣ ли,— вездѣ приложится къ чертѣ
черта,
Неуловимая, но ощутимая,—черта-мгновеніе,
Черта-мечта!

И больно-сладостно, и вешне-радостно! Жить — изуми-
тельно
Чудесно все-таки! Ахъ, сразу нѣсколькихъ—*одну* любить!
Невоплощенная! Невоплотимая! тебя плѣнительно
Ждать — это жить!

1914. Ноябрь.

ПОЭЗА СПИЧЕЧНАГО КОРОБКА.

Что это? — спичекъ коробокъ? —
Лучинокъ изъ березъ?
И ты ихъ не замѣтить могъ? —
Вѣдь это жъ грандіозъ!

Бери же, чиркай и грози,
Восторженъ, наглъ и яръ!
Ползетъ огонь на всѣ стези:
Въ твоей рукѣ — пожаръ!

Огонь! огонь, природоцапъ,
Высовывай языкъ!
Ликуй, холопъ! Оцарься, рабъ!
Ничтожный, ты великъ!

Мыза „Ивановка".
1914. Начало іюля.

РОНДО.

Л. Рындиной.

Читать тебѣ себя въ лимонномъ будуарѣ,
Какъ яхту грезъ, его принявъ и полюбя...
Взамѣнъ невѣрныхъ словъ, взамѣнъ шаблонныхъ арій,
Читать тебѣ себя.

Прочувствовать тебя въ лиловомъ пеньюарѣ,
Дробя грядущее и прошлое, дробя
Второстепенное, и сильнымъ быть въ ударѣ.

Увѣриться, что міръ сосредоточенъ въ парѣ:
Лишь въ насъ съ тобой, лишь въ насъ! И только для тебя,
И только о тебѣ, вѣнчая взоръ твой царій,
Читать тебѣ себя!

1914. Февраль.

АМАЗОНКА.

Я встрѣтилъ у парка вчера амазонку
Подъ звуки бравурной раздольной мазурки.
— Какъ кукольны формы у синей фигурки! —
Наглѣя восторгомъ, сказалъ я вдогонку.

Она обернулась, она посмотрѣла,
Слегка улыбнулась, раздѣтая взоромъ,
Хлыстомъ помахала лукавымъ узоромъ,
Мнѣ въ сердце вонзила дремучія стрѣлы...

А рыжая лошадь подъ ней гарцовала,
Упрямо топталась на мѣстѣ кобыла
И, право не знаю,— казалось ли, было,—
Въ угоду хозяйкѣ, меня баловала....

1910. Февраль.

BERCEUSE.

(На мотивъ Мирры Лохвицкой)

Ты такъ свѣтла въ клубящемся покровѣ.
Твое лицо — восходный Уроталъ.
Въ твоемъ дремучемъ чернобровьѣ
Мой умъ устало заплуталъ.

Ты вся — мечта коралловыхъ улововъ.
Твои уста — факирская печать.
Въ твоихъ очахъ, въ очахъ лиловыхъ,
Хотѣлъ бы сердце закачать.

А гдѣ-то плачъ и грохоты орудій...
Такъ было встарь, такъ вѣчно будетъ впредь
Дай погрузиться въ бѣлогрудьи
И упоенно умереть!

1910. Сентябрь.

ЭЛЕКТРАССОНАНСЪ.

Что такое электрассонансъ?
Это — молнія и свѣтлячокъ.
Сонъ и сказка. Гекзаметръ и стансъ.
Мысль и греза. Пила и смычокъ.
Равнокровье и злой мезальянсъ.
Тайна ночи и женскій зрачокъ.
Міозданье — электрассонансъ!

1911. Февраль.

ВЪ ГОСТИНИЦѢ.

Въ большомъ и неуютномъ номерѣ провинціальной гостиницы
Я лежу въ безсонницѣ холодноватыми вечерами.
Жутко мнѣ, жутко, что сердце скорбью навѣки вынется
Изъ своего гнѣздышка —...разбитое стекло въ рамѣ...

Изъ ресторана доносится то тихая, грустная музыка —
Какая-нибудь затасканная лунная соната,
То такая помпезная,— правда, часто кургузая,—
—... Лилію оскорбляющее полнокровье граната...

И слышатся въ этой музыкѣ души всѣхъ женщинъ и дѣвушекъ,
Когда-либо въ жизни встрѣтившихся и возможныхъ еще въ пути.
И плачется, безслезно плачется въ номерной тиши кромѣшной
О музыкѣ, о дѣвушкахъ, обо всемъ, что способно цвѣсти...

Симферополь.
1914. Январь.

КУЗИНА ЛИДА.

Лида, ты — беззвучная Липковская. Лида, ты — хорошенькая дѣвушка.
Стройная, высокая, изящная, ты — сплошная хрупь, ты вся — улыбь.
Только отчего же ты недолгая? Только отчего твое во льду ушко?
Только для чего такъ много жемчуга? Милая, скорѣй его разсыпь!

Русая и бѣлая кузиночка, не идутъ тебѣ, повѣрь мнѣ, ландыши;
Не идутъ тебѣ, повѣрь мнѣ, лиліи, — слишкомъ ты для бѣлаго — бѣла...
Маки, розы нагло-оскорбительны, а ліаны вьются, какъ змѣеныши; —
Трудно обукетить лифъ твой дѣвичій, чтобы ты сама собой была.

...Папоротникъ въ блесткахъ изумрудовыхъ, снѣгъ
фіольно-бѣлый и оискренный,
Пихтовыя иглы эластичныя — вотъ тебѣ единственный
уборъ,
Дѣвушкѣ со старческой улыбкою, замкнутой, но, точно
солнце, искренней,
Незамѣтно какъ-то умирающей, — какъ по ягоды иду-
щей въ боръ...

1912. Февраль.

НИКЧЕМНАЯ.

Ты меня совсѣмъ измучила можетъ-быть, сама не вѣдая;
Можетъ-быть, вполнѣ сознательно; можетъ - быть, перестрадавъ;
Вижусь я съ тобой урывками: развѣ вмѣстѣ пообѣдаю
На глазахъ у всѣхъ и каждаго,— и опять тоска-удавъ.

О, безжалостница добрая! ты, штрихующая профили
Мнѣ чужіе, но знакомые, съ носомъ мертвенно-прямымъ!
Цѣломудренную чувственность мы зломозгло объутопили
Чѣмъ-то вѣчно ожидаемымъ и литаврово-нѣмымъ...

Слушай, чуждая мнѣ ближница! обречённая далёчница!
Оскорбить меня хотящая для немыслимыхъ усладъ!
Подавивъ негодованіе, мнѣ въ тебя такъ просто хочется,
Какъ орлу — въ лазорь сіяльную, какъ теченью—въ водопадъ!

Одесса.
1914. Февраль.

ЖУТКАЯ ПОЭЗА.

О, нестерпимо-бо́льныя мѣста,
Гдѣ женщины, утерянныя мною,
Навѣкъ во всемъ: въ дрожаніи листа,
Въ порывѣ травномъ къ солнечному зною,
Въ брусничныхъ и осиновыхъ лѣсахъ,
Во всхлипахъ мха — ихъ жалобные плачи...
Какъ скорбно тамъ скрипѣнье колеса!
Какъ трогательно блеянье телячье!
На сѣверѣ и рощи, и луга,
И лады душъ, и пьяненькія сельца —
Однообразны только для пришельца:
Для сѣверянъ несхожесть ихъ легка.
Когда-нибудь я встрѣчу — это такъ! —
Въ такомъ лѣсу унылую старуху,
И къ моему она приблизитъ уху
Лукавый ротъ. Потомъ за четвертакъ
Разскажетъ мнѣ пророчная шарманка
О ихъ судьбѣ, всѣхъ жертвъ моихъ. Потомъ
Я лѣсъ приму, какъ свой послѣдній домъ...
Ты — смерть моя, случайная цыганка!

Одесса.
1914. Февраль.

РОНДО ОРАНЖЕВАГО ЗАКАТА.

Невымученныхъ мукъ, невыгроженныхъ грозъ
Такъ много позади, и тяжекъ сердца стукъ.
Оранжевый закатъ ліанами обросъ
Невыкорченныхъ мукъ.

Оранжевый закатъ! ты мой давнишній другъ,
Какъ лепеты травы, какъ трепеты березъ,
Какъ щебеты мечты... Но вдругъ измѣнишь? вдругъ?

Заплакать бы обжогомъ ржавыхъ слезъ,
Въ нихъ утопить колечки змѣйныхъ скукъ
И ждать, какъ ждетъ подпоѣздникъ колесъ,
Невысмертившихъ мукъ!

Веймарнъ.
1913. Августъ.

ЕВГЕНІЯ.

Это имя мнѣ было знакомо —
Чуть истлѣвшее пряное имя,
И въ щекочущемъ чувственность дымѣ
Сердце было къ блаженству влекомо.

Какъ волна — броненосцу за пѣну,
Какъ за плѣнъ — бѣгъ свободный потока,
Это имя мнѣ мстило жестоко
За забвенье, позоръ, за измѣну...

Месть швырнула въ лицо мнѣ два кома,
Кома грязи — развратъ и безкрылье.
Я кончаюсь въ неясномъ усильѣ...
Это имя мнѣ жутко-знакомо!..

1909.

КОГДА НОЧѢЛО.

Уже ночѣло. Я былъ около
Монастыря. Сквозила просѣка.
Окрестъ отгуживалъ отъ колокола.
Какъ вдругъ собака, въ родѣ мопсика,
Зло и неистово залаяла.
Послышались осѣчки хвороста,
И кто-то голосомъ хозяина
„Тубо!“ пробаритонилъ просто.
Лѣсъ завѣтрѣлъ и вновь отгуживалъ
Глухую всенощную, охая.
Мнѣ стало жутко, стало нужно
Людей, ихъ слова. Очень плохо я
Себя почувствовалъ. Оглушенный,
Напуганный, я сѣлъ у озера.
Мнѣ оставалось верстъ одиннадцать.
Рѣшительность меня вдругъ бросила, —
Отъ страха я не могъ подвинуться...

„Дылицы“.
1911. Іюль.

ПЯТИЦВѢТЪ I.

Заберусь на разсвѣтѣ на серебряный кедръ
Любоваться оттуда на маневры эскадръ.
Солнце, утро и море! Какъ я весело-бодръ,
Точно воздухъ бездуменъ, точно мумія мудръ.
Кто прославленъ орлами—ахъ, тому не до выдръ!..

1910. Сентябрь.

РЕГИНА.

Когда поблекнутъ георгины
Подъ ало-желчный лѣсосонъ,
Идите къ домику Регины
Во всѣ концы, со всѣхъ сторонъ.

Идите къ домику Регины
По всѣмъ дорогамъ и тропамъ,
Бросайте на пути рябины,
Дабы назадъ вернуться вамъ.

Бросайте на пути рябины:
Всѣ ваши скрестятся пути,
И вамъ, искателямъ Регины,
Назадъ дороги не найти.

1913. Лѣто.
Веймарнъ.

ЛИРОБАСНЯ.

Бѣло лиловѣетъ шорохъ колокольчій —
Веселится лѣтовѣтръ;
Мы проходимъ полемъ, мило полумолча.
На твоей головкѣ — фетръ,
А на тѣлѣ шелкъ зеленый, и — босая.
Обрываешь тихо листикъ и, бросая
Мелкіе кусочки,
Смѣешься, осолнечивъ лобъ.
... Стада голубыхъ антилопъ
Покрыли травы, покрыли кочки...
Но дьяконья падчерица,
Изгибаясь, какъ ящерица,
Нарушаетъ иллюзію...
Какое беззаконье!
— Если хочешь въ Андалузію,
Не ѣзди въ Пошехонье...

———

Улыбаясь, мы идемъ на рельсы;
Телеграфная проволока
Загудѣла;
Грозовѣетъ облако, —
Къ бурѣ дѣло.

———

Попробуй тутъ, разсвирѣлься!..

1911.

НА ПРЕМЬЕРѢ.

Овѣевъ желаніе грезовымъ парусомъ,
Сверкая устовымъ колье,
Графиня ударила вѣеромъ страусовымъ
Опѣшеннаго шевалье.

Оркестромелодія рѣяла розово
Надъ бѣлобархатомъ фойэ.
Графиня съ граціей стрекозовой
Кусала шеколадъ - кайэ.

Сновала разсѣянно блесткая публика
Изъ декольтэ и фрачныхъ фалдъ.
А завтра въ рецензіи свѣтскою рубрикой
Отмѣтится шикарный гвалтъ.

1911.

ДИССО - РОНДО.

Ожили снова желанья...
Воспоминаній папирусъ
Снова вѣтрѣетъ, какъ парусъ,
И въ бирюзѣ умиленья
Призракъ сліянія выросъ.

Блекло-сафировый ирисъ
Вя̆ло поетъ новолунье,
Льется душа снова черезъ,—
Снова желанья.

Мысли, какъ сонъ, испарились
Въ прямости жизненныхъ линій;
Долго со Зломъ мы боролись,
Отдыхъ найдемъ въ Аполлонѣ.
Снова сердца разгорѣлись,
Снова желанья!

1911. Февраль.

ТѢНЬ АПЕЛЬСИННОЙ ВѢТКИ.

Изъ Тинъ-Тунъ-Лингъ.

Одиночила въ комнатѣ дѣвушка.
Взволновали ее звуки флейты,—
Голосъ юноши въ нихъ... Голосъ, чей ты?
О, застынь въ напряженной мечтѣ ушко!

Чья-то тѣнь на колѣни къ ней падаетъ,—
Изъ окна апельсинная вѣтка.
„Разорвалъ кто-то платье мнѣ мѣтко",
Грезитъ дѣвушка съ тайной отрадою...

Веймарнъ, мыза „Пустомержа".
1912. Августъ.

ШАНТАЖИСТКА.

Такъ Вы изволите надѣяться, что Вамъ меня удастся встрѣтить
Ужъ если не въ гостиной шелковой, такъ въ жесткой камерѣ судьи?
Какая все же Вы наивная! Считаю долгомъ Вамъ замѣтить:
Боюсь, Вы дѣло проиграете, и что же ждетъ Васъ впереди?..

Конечно, съ Вашею энергіей, Вы за инстанціей инстанцію:
Съѣздъ мировой, затѣмъ судъ округа, потомъ палата и сенатъ.
Но только знаете, любезная, не лучше ль съѣздить Вамъ на станцію,
И тамъ купить билетъ до Гатчины, спросивъ въ буфетѣ лимонадъ.

Онъ охладитъ Вашъ гнѣвъ тропическій, и Вы, войдя въ
вагонъ упруго,
Быть можетъ, проведете весело въ дорогѣ слѣдуемый
часъ.
И, можетъ быть, среди чиновниковъ Вы повстрѣчаете
эксъ-друга,
Который—будемъ же надѣяться!—не поколотитъ вовсе
Васъ!..

Пріѣхавъ къ мѣсту назначенія, Вы съ нимъ отправитесь
въ гостиницу.
Онъ, послѣ шницеля съ анчоусомъ, Вамъ дастъ... Ма-
лагу - Аликантъ!
Вамъ будетъ весело и радостно, Вы будете, какъ име-
нинница,
Ахъ, при умѣньи, можно выявить и въ проституціи та-
лантъ!..

Зачѣмъ же мнѣ Вы угрожаете и обѣщаете отместки?
Зачѣмъ такъ нагло Вы хватаетесь за правосудія набатъ?
Такъ не надѣйтесь же, сударыня, что я послушаюсь
повѣстки
И денегъ дамъ на пропитаніе двоякосмысленныхъ ре-
бятъ!

1912. Ноябрь.

ШАНСОНЕТКА ГОРНИЧНОЙ.

Я—прислуга со всѣми удобствами—
Получаю пятнадцать рублей,
Не ворую, не пью и не злобствую
И самой инженерши честнѣй.

Дѣло въ томъ, что жена инженерская
Норовитъ обсчитать муженька.
Я надъ нею труню (я, вѣдь, дерзкая!)
И словесно даю ей пинка.

Но со мною она хладнокровная,—
Сквозь пять пальцевъ глядитъ на меня:
Я ношу бильедушки любовныя.
Отъ нея, а потомъ — для нея.

Что касается мужа господскаго —
Очень добръ господинъ инженеръ...
„Не люблю,—говоритъ,—ультра-скотскаго
Вотъ, супруги своей — напримѣръ“...

. . . .
. . . .

Въ результатахъ мы скоро поладили,—
Вотъ ужъ мѣсяцъ, какъ мужъ и жена.

Получаю конфекты, матеріи
И филипповскіе пирожки,
И — на зависть кухарки Гликеріи,
Господина Надсона стишки.

Я давно разсчитала и взвѣсила,
Что удобная должность, ей-ей:
Тутъ и сытно, и сладко, и весело,
Да вдобавокъ пятнадцать рублей!

Веймарнъ.
1913. Іюль.

ОЗЕРОВАЯ БАЛЛАДА.

Св. кн. О. Ѳ. Имеретинской.

На искусственномъ островѣ крутобрегаго озера
Кто видалъ замокъ съ башнями? кто къ нему подплывалъ?
Или позднею осенью, только гладь подморозило,
Кто спѣшилъ къ нему вѣтрово, трепеща за провалъ?

Кто, къ окну приникающій, созерцанія пестраго
Не выдерживалъ разумомъ—и смѣялся навзрыдъ?
Чей скелетъ содрогается въ башнѣ мертваго острова,
И подъ замкомъ запущеннымъ кто, прекрасный, зарытъ?

Кто насмѣшливо каялся? кто возмездія требовалъ?
Превратился кто въ филина? кто—въ летучую мышь?
Полно, полно, то было ли? можетъ быть, вовсе не было?..
... Завуалилось озеро, зашептался камышъ.

1910. Іюнь

ИЗДѢВАТЕЛЬСТВО.

Какъ блёкло ткалъ лиловый колокольчикъ
Линялую отъ луни звукоткань!
Надъ нимъ лунѣлъ вуалевый эольчикъ
И, камешки кидая въ воду: „кань“,
Чуть шепоталъ устами, какъ коральчикъ...
Онъ былъ оно: ни дѣвочка, ни мальчикъ.

На озерѣ дрожалъ электроботъ.
Всѣ слушали поэта — экстазера
И въ луноснѣ тонули отъ заботъ.
Но призраками Сѣраго Мизэра
Шарахнулся пугающій набатъ,—
И въ отблескахъ пылающаго замка
Умолкъ поэтъ, какъ жалкій акробатъ...

— Царица Жизнь воспитана, какъ хамка!

1911. Мартъ.

НА ГОЛОСЪ ВЕСЕННЕЙ НОВЕЛЛЫ.

Обстругавъ ножомъ ольховый прутикъ,
Сдѣлавъ изъ него свистящій хлыстикъ,
Королева встала на распутьи
Двухъ аллей. И въ дѣвственномъ батистѣ
Бѣлолильной феей замерла.
Вотъ пошла къ избушкѣ столяра,
Гдѣ лежали дѣти въ скарлатинѣ,
Гдѣ всегда отточеный рубанокъ
Для гробовъ, для мебели, для санокъ.
Вотъ и прудъ, олуненъ и отиненъ,
Вотъ и домъ, огрустенъ и отьмёнъ.
— Кто стучитъ?—спросилъ столяръ Семенъ.
„Королева"... шепчетъ королева.
Прохрипѣли рыжіе засовы.
Закричали въ отдаленьи совы.

Вспомнилась весенняя новелла:
Въ ясеняхъ отданье столяру.
Онъ впустилъ. Взглянула—какъ стрѣлу,
Прямо въ глазъ любовника метнула.
И пошла къ отряпенной кроваткѣ.
Смерть и Жизнь надъ ней бросали ставки.
Было душно, холодно и лунно.
Столяриха билась на полу
И кричала: „дайте мнѣ пилу“!

1911. Ноябрь.

ЭСКИЗЕТКА.

Соны качеля, бѣлесо ночѣло.
Лѣсъ печалѣлъ въ бѣлоснѣ.
Тюли эоля качала Марчелла:
— Грустно весенне усни! —
Точно ребенка, Марчелла качала
Грезы, меня и весну.
Вотъ пробезшумѣла тамъ одичало
Глуше затишія мышь.
Крылья дымѣли, какъ саванъ истлѣвшій.
— Сердце! тебя не поймешь,
Ледъ запылавшій!

1911. Мартъ.

ЭГО-РОНДОЛА.

Я — поэтъ: я хочу въ бирюзовыя очи лиліи бѣлой.
Ея сердце запѣло... Ея сердце крылато... Но
Стебель есть у нея. Перерублю, и...
Бѣлый лебедь раскрылъ бирюзовыя очи. Очи лиліи
Лебедь раскрылъ. Его сердце запѣло. Его сердце
Крылато! Лебедь рвется въ Эѳиръ къ облакамъ —
Къ бѣлымъ лиліямъ неба, къ лебедямъ небесъ!
Небесная бирюза — очи облакъ. Небо запѣло!.. Небо
Крылато!.. Небо хочетъ въ меня: я — поэтъ!

ПРОМЕЛЬКЪ.

Ив. Лукашу.

Голубые голуби на просторной палубѣ.
А дождинки капали,— голуби ихъ пòпили.
На просторной палубѣ голубые голуби
Всѣ дождинки пòпили, а дождинки капали.

1911.

ПЯТИЦВѢТЪ II.

Въ двадцать лѣтъ онъ такъ нашустрилъ:
Проститутокъ всѣхъ осёстрилъ,
Астры звѣздилъ, звѣзды астрилъ,
Погреба перереестрилъ.
Оставалось только — выстрѣлъ.

1911.

ВЪ РЕСТОРАНѢ.

Граалю Арельскому.

Воробьи на дорожкѣ шустрятся.
Зеленѣютъ кудри кротекуса.
Привезли изъ Остэндэ устрицы
И стерлядей изъ Череповца.
— Послушайте, вы, съ салфеткою,
Накройте мнѣ столъ подъ липою;
И еще я вамъ посовѣтую
Не стоять каменной глыбою,
А угостить меня рыбою,
Артишоками и спаржей.
Вы поняли?—„Помилуйте, даже
Очень
И буду точенъ".

1911. Май.

ОТЧАЯНІЕ.

Я, разлоконивъ волосы русые,
Ухватила Петьку за ушко,
Въ него шепнула: „тебя я скусаю“...
И выпила бокалъ Клико.

Успокоивъ его, благоматнаго,
Я дала ему морковки и чайку
И, закричавши: „Всего пріятнаго!“,
Махнула серной по лужку.

Мужъ пріѣхалъ съ послѣднимъ автобусомъ—
Будничный, потертый манекенъ...
Я застонала, и передъ образомъ
Молила участи Карменъ!..

1912. Май.

ПОЭЗА О „MIGNON“.

Не опоздайте къ увертюрѣ:
Сегодня вѣдь „Mignon“ сама!
Какъ чаровательны, Тома,
Твои лазоревыя бури!

„Mignon“!.. она со мной вездѣ:
И въ блѣднопалевыхъ гостиныхъ,
И на форелевыхъ стремнинахъ,
И въ сновидѣньяхъ, и въ трудѣ.

Ищу ли женщину, съ тоской
Смотрюсь ли въ давнее былое,
Кляну ль позорное и злое,—
„Mignon“!.. она вездѣ со мной!

И если мыслю и живу,
Молясь безъ-устали Мадоннѣ,
То лишь благодаря „Миньонѣ“—
Грезовидѣнью на-яву...

Но ты едва ли виноватъ,
Ея безчисленный хулитель:
Нѣтъ, не твоя она обитель...
О, Арнольдсонъ! о, Боронатъ!

1914. Октябрь.

БЛАЖЕННЫЙ ГРИША.

Когда проѣзжаетъ конница
Мимо дома съ красною крышей,
Въ кухнѣ дрожитъ иконница,
Сколоченная блаженнымъ Гришей...

И тогда я его мучаю
Насмѣшкою надъ дребезжаньемъ...
Убѣгаетъ. И надъ гремучею
Рѣчкою льетъ рыданья.

И хотя по благочестію
Нѣтъ равнаго ему въ городѣ,
Онъ злится, хочетъ мести,
Мгновенно себя очѐртивъ...

1912. Мартъ.

ПРЕДОСТЕРЕГАЮЩАЯ ПОЭЗА.

Художники! бойтесь „мѣщанокъ“:
Онѣ обездарятъ вашъ даръ
Своею врожденною соньью,
Своимъ организмомъ шарманокъ;
Онѣ запесочатъ пожаръ
Въ душѣ, гдѣ законъ—Беззаконье.

Страшитесь и дѣвъ апатичныхъ,
Съ улыбкой безлучно-стальной,
Съ лицомъ, постояннымъ какъ мраморъ:
Ихъ лики, изъ псевдо-античныхъ,
Душѣ вашей бально-больной
Грозятъ безпросыпнымъ кошмаромъ.

Онѣ не прощаютъ ошибокъ,
Онѣ презираютъ порывъ,
Считаютъ его неприличьемъ,
„Явленьемъ дурного пошиба“...
А генiй—въ глазахъ ихъ — нарывъ,
Наполненный гнойнымъ величьемъ!..

1912. Іюль.
Веймарнъ.

CHANSONNETTE.

Изящная, средняго роста
Съ головкою bronze-oxidé,
Она—воплощенiе тоста.
Mais non, regardez, regardez!

Пикантная, средняго роста,
Она—героиня Додэ.
Поклонниковъ много,—ихъ до ста.
Mais non, regardez, regardez!

Но женщина средняго роста
Бываетъ *высокой* en deux...
И надо сознаться, что просто.—
Mais non, regardez, regardez!

1909. Ноябрь.

ОНА КРИТИКУЕТЪ...

— Нѣтъ, положительно искусство измельчало,
Не смѣйте спорить, графъ, упрямый человѣкъ!
По пунктамъ разберемъ, и съ самаго начала;
Начнемъ съ поэзіи: она полна калѣкъ.
Хотя бы Фофановъ: пропойца и бродяга,
А критика ему дала поэта роль...
Поэтъ! хорошъ поэтъ!.. ходячая малага!..
И въ жилахъ у него не кровь, а алкоголь.
Какъ вы сказали, графъ? до пьянства нѣтъ намъ дѣла?
И что критиковать мы можемъ только трудъ?
Такъ знайте жъ, книгъ его я даже не смотрѣла:
Не интересно мнѣ!.. тѣмъ болѣе, что тутъ
Наврядъ ли вы нашли бъ занятные сюжеты,
Изысканныхъ людей привычки, нравы, вкусъ,
Блестящіе балы, алмазы, эполеты,—
О, я убѣждена, что пишетъ онъ „en russe“.

Естественно, что намъ, взрощеннымъ на Шекс-
пирѣ,
Аристократамъ мысли, чувства и идей,
Неинтересенъ онъ, бряцающій на лирѣ
Руками пьяными, безвольный рабъ страстей.
Ахъ, да не спорьте вы! поэзіей кабацкой
Не увлекусь я, графъ, нѣтъ, тысячу разъ „нѣтъ“!
Талантливымъ не можетъ быть поэтъ
Съ фамиліей — pardon! — такой... дурацкой.
И какъ одѣтъ! Mon Dieu! Онъ прямо хулиганъ!..
Вчера мы съ Полемъ ѣхали по парку,
Плетется онъ навстрѣчу, — грязенъ, пьянъ;
Кого же воспоетъ такой мужланъ?.. кухарку?!..
Смазные сапоги, оборванный тулупъ,
Какая-то ужасная папаха...
Самъ говоритъ съ собой... взглядъ страшенъ,
наглъ и тупъ...
Повѣрите? — я чуть не умерла отъ страха.
Не говорите мнѣ: „онъ пьетъ отъ неудачъ“!
Мнѣ, право, дѣла нѣтъ до истинной причины.
И если плачетъ онъ, смѣшонъ мнѣ этотъ плачъ:
Сантиментальничать ли созданъ мужчина
Безъ положенья въ обществѣ, безъ чина?!.

1908.

II.

НЕЗАБУДКИ НА КАНАВКАХЪ.

Стихи „давно минувшихъ лѣтъ“.

NOCTURNE

Мѣсяцъ гладитъ камыши
Сквозь сирени шалаши...
Все—душа, и ни души.

Все—мечта, все—божество,
Вѣчной тайны волшебство,
Вѣчной жизни торжество.

Лѣсъ—какъ сказочный камышъ,
А камышъ, какъ лѣсъ-малышъ.
Тишь—какъ жизнь, и жизнь—какъ тишь.

Колыхается туманъ —
Какъ мечты моей обманъ,
Какъ минувшаго романъ...

Какъ душиста, хороша
Бѣлыхъ яблонь пороша...
Ни души,—и все душа!

1908. Декабрь.

ТОСКА ПО КВАНТУНУ.

О, греза дивная, мнѣ сердца не терзай!—
Воспоминанія о прожитомъ такъ живы.
Я на Квантунъ хочу, въ мой милый Да-Лянь-Вань
На воды желтыя Корейскаго залива.

Я въ шлюпкѣ жизненной разбился о бурунъ,
И сердце чувствуетъ развязку роковую...
Я по тебѣ грущу, унылый мой Квантунъ,
И, Море Желтое, я по тебѣ тоскую!..

1904.
Петербургъ.

ЗАПАДЪ ПОГАСЪ...

Западъ
Погасъ...
Роса
Поддалась...
Тихо
Въ поляхъ...
Ива —
Голякъ...
Вѣтрится
Кустъ...
Зебрится
Хрустъ...
Ломокъ
Ледокъ...
Громокъ
Гудокъ...
Во мглѣ
Полотно
И склепа
Пятно...

1910. Октябрь.

ТРІОЛЕТЪ.

Въ протяжныхъ стонахъ самовара
Я слышалъ стонъ ея души.
Что было скрыто въ пѣснѣ пара—
Въ протяжныхъ стонахъ самовара?
Вѣнчалась ли она въ глуши,
Иль умирала дочь Тамара?
Какъ знать! Но въ вопляхъ самовара
Я слышалъ вопль ея души.

1909. Іюль.
Мыза „Иваковка“.

МОРСКОЙ НАБРОСОКЪ.

Е. А. Л.

Тому назадъ всего два года
На этомъ самомъ берегу
Два сердца въ страсти безъ исхода,
Дрожали, затаивъ тоску,—
„Два женскихъ сердца... Этой дрожью
Трепещетъ берегъ до сихъ поръ...

... Я прихожу подъять свой взоръ
На море, и у горъ подножья
Послушать благостную дрожь,
Потосковать душой пустынной
Вновь о винѣ своей невинной,
Гдѣ правду скрашивала ложь...

1912. Августъ.
Эстляндія, Іеве, Тойла.

ГРАЦІОЗА.

Дмитрію Крючкову.

Я нѣжно хотѣлъ бы уснуть,
Уснуть,— не проснуться...
Далёко-далёко уйти,
Уйти,— не вернуться...

Хотѣлъ бы ее цѣловать,
Почти не цѣлуя:
Словами, вѣдь, грубо сказать,
Какъ тонко люблю я...

Ни страсти хочу, ни огня,
И боли сліянья,
Чтобъ тѣломъ къ ней въ тѣло войти,
Войти для страданья...

Хочу я не тѣла ея,
Но лишь черезъ тѣло
Прочувствовать душу могу
Всецѣло...

1911. Октябрь.

PRELUDE II.

Мои стихи—туманный сонъ.
Онъ оставляетъ впечатлѣніе...
Пусть даже мнѣ неясенъ онъ,—
Онъ пробуждаетъ вдохновеніе...
О, люди, дѣти мелкихъ смутъ,
Вашъ богъ—дѣйствительность угрюмая.
Пусть сна поэта не поймутъ,—
Его почувствуютъ, не думая...

1909.

„ГДѢ ПРИ ВЗДОХѢ ВѢТЕРКА ПОЕТЪ ФАРФОРЪ“...

Манчжурскій эскизъ.

Тамъ, гдѣ нѣжно колокольчики звенятъ
    И при вздохѣ вѣтерка поетъ фарфоръ,
Ѣду я, восторгомъ искреннимъ объятъ,
    Между бархатныхъ полей и рѣзкихъ горъ.

Ѣду полемъ. Тамъ китайцы сѣютъ рисъ;
    Трудолюбьемъ дышатъ лица. Небеса
Ярко сини. Поѣздъ съ горки сходитъ внизъ.
    Провожаютъ насъ раскосые глаза.

Деревушка. Изъ сырца вокругъ стѣна.
    Тамъ за ней фанзы приземисты, низки.
Жизнь скромна, тиха, убога, но ясна—
    Безъ тумана русской будничной тоски.

Пасть раскрылъ свою, на насъ смотря, драконъ,
    Что изъ красной глины слѣпленъ на фанзѣ.
Я смѣюсь: мнѣ грозный видъ его смѣшонъ.
    Сѣло солнце, спитъ трава въ сырой росѣ.

1905.

ЭСКИЗЪ.

Клубится дымъ при солнцѣ зимнемъ,
Несется въ дебри паровозъ;
Причудливъ онъ въ хитонѣ дымномъ,
Въ хитонѣ смутномъ, какъ хаосъ.

Снѣгъ лиловатаго оттѣнка
Пылитъ подъ небомъ голубымъ.
Вдали темнѣетъ лѣса стѣнка,
А дымъ—какъ снѣгъ, и снѣгъ—какъ дымъ.

1908. Декабрь.
Лигово. Вагонъ.

ТРАУРНАЯ ЭЛЕГІЯ.

Умирала лилія лѣсная...

К. Фофановъ.

Умерла она въ пору августа,
Когда зелень травъ и дубравъ густа,
Когда въ воздухѣ вкусъ малиновый,
Когда ночь дрожитъ въ тьмѣ осиновой.
Умерла она, ясно вѣдая,
Что такое смерть, храбро слѣдуя
За давнишними пожеланьями
Молодой уснуть, съ колебаньями
Незнакомая... И правдивая,
И невинная, и красивая!..
Умерла она, сдѣлавъ грустно намъ...
Къ ней путемъ идемъ, болью устланнымъ,
На могилу къ ней, одинокую,
Какъ она была, на далекую...
Тамъ помолимся о душѣ ея:
— Да прославится имя твое!

1909. Іюнь.

ЦАРИЦА ИЗЪ ЦАРИЦЪ.

Въ моей душѣ—твоихъ строфа устъ,
И отъ строфы безплотныхъ устъ
Преображаюсь, словно Фаустъ,—
И звукъ любви уже не пустъ.

Какъ въ Маргариту юный Зибель—
Въ твой стихъ влюбленъ я безъ границъ,
Но ждать его не можетъ гибель:
Вѣдь ты—царица изъ царицъ!

1908. Ноябрь.

ОТТОГО И ЛЮБЛЮ.

Я люблю сердечно, безразсудно,
Безотчетно всю, какъ есть, тебя!
Но за что люблю, я знаю смутно,
А вѣрнѣй—совсѣмъ не знаю я.
    Какъ тебя цѣлую! какъ милую!
    Ты со мной—смѣюсь, а нѣтъ—грущу...
    Оттого тебя вѣдь и люблю я,
    Что любви причины не ищу!..

1907.

ВЕРНУТЬ ЛЮБОВЬ.

... То ненависть пытается любить,
Или любовь хотѣла бъ ненавидѣть?..
Минувшее я жажду возвратить,
Но, возвративъ, боюсь его обидѣть,
Боюсь его возвратомъ оскорбить.

Святыни нѣтъ для сердца святотатца,
Какъ доброты у смерти... Заклейменъ
Я совѣстью, и мнѣ ли зла бояться,
Поправшему любви своей законъ!

Но грѣшники—безгрѣшны покаяньемъ,
Вернуть любовь—прощеніе вернуть.
Но какъ боюсь я сердце обмануть
Своимъ туманно-призрачнымъ желаньемъ:

Не месть ли то? не зависть ли? сгубить
Себя легко, и свѣтъ небесъ не видѣть...
Что жъ это: зло старается любить,
Или любовь мечтаетъ ненавидѣть?..

1908.

БУКЕТЪ ЗАБВЕНЬЯ.

Я погружу въ букетъ душистый
Лицо и душу погружу.
И лѣсь рѣсницъ твоихъ пушистый,
Пушистый лѣсъ воображу.

Я озарялъ его, сжигая
Довѣрья хрупкіе костры...
О, дорогая-дорогая
Съ душой любовницы-сестры!

Но то ушло, пришло другое...
Того, что было, не спасти...
О, дорогое-дорогое,
Мое далекое, прости!

Прости и ты, мой ангелъ чистый,
Краса и гордость бытія!
Бросаю жизнь въ букетъ душистый,
И захлебнусь въ букетѣ я!

1910. Май.
Мыза „Ивановка“.

BERCEUSE ТОМЛЕНІЯ.

Я люблю тебя нѣжнѣе
Бѣлой лиліи,
Я пою тебя волшебнѣй
Сказокъ фей.
Я беру тебя въ аллеѣ
Весь—воскрыліе,
Въ поэтическомъ молебнѣ
Чародѣй.

Къ груди грудь, во взоры взоры!
Вешней лѣни я
Не осилю—ахъ, нѣтъ мочи,—
Я въ плѣну.
Мнѣ мерещатся озера
Изъ томленія.
Въ нихъ все глубже, все жесточе
Я тону.

1913. Май.
Веймарнъ.

МЕЛЬНИЦА И БАРЫШНЯ.

Постарѣла труженица-мельница
На горѣ стоитъ, какъ богодѣльница;
Подъ горою барышня-бездѣльница
Цѣлый день заводитъ граммофонъ
На балконѣ дачи; скучно барышнѣ:
Надоѣлъ въ саду густой боярышникъ,
А въ гостиной бронза и плафонъ.
Я смотрю, вооруженный... лупою:
Граммофонъ трубой своею глупою
Голоситъ, вульгаря и хрипя,
Что-то нудно-пошлое, а дачница,
Въ чемъ другомъ, но въ пошлости удачница,
Ерзаетъ на стулѣ, имъ скрипя...
Крылья дряхлой мельницы поломаны,
Но дрожатъ, въ обидѣ, внемля гомону
Механизма, прочнаго до ужаса,
И пластинкамъ, точнымъ до тоски...

Вѣтра ждетъ заброшенная мельница,
Чтобъ рвануться съ мѣста и, обрушася,
Раздавить ту дачу, гдѣ бездѣльница
Съ нервами березовой доски...

Отъ жары и „музыки“ ударъ меня,
Я боюсь, вдругъ хватитъ, и—увы!..
Уваженье къ мельницѣ, сударыня
Здѣсь она хозяйка, а не вы!

1911. Лѣто
„Дылицы“.

МИНЬОНЕТЫ.

I.

Да, я хочу твоихъ желанiй,
Да, я люблю твое „люблю“!
Но мы уйдемъ туда, гдѣ—лани,
Уйдемъ: здѣсь больно, я скорблю.
Лишь тамъ тебѣ, моей Свѣтланѣ,
Я разскажу, я распою,
Какъ я хочу твоихъ желанiй,
Какъ я люблю твое „люблю“!

II.

Ловлю печаль въ твоей улыбкѣ
И тайный смѣхъ въ твоихъ слезахъ...
Твои глаза блестятъ, какъ рыбки,
Но сердце—въ смутныхъ голосахъ.
Ты въ заблужденьи, ты въ ошибкѣ!
Топлю глаза въ твоихъ глазахъ,—
И снова—смѣхъ въ твоей улыбкѣ,
И снова—грусть въ твоихъ слезахъ!

1910. Мартъ.

ОДИНЪ БЫ ЛЕПЕСТОКЪ!..

Мнѣ тайно вѣрится, что ты ко мнѣ придешь,
Старушка-дѣвушка, согбенная въ позорѣ
И взоромъ бархатя затепленныя зори,
Мнѣ тайно вѣрится — ты бодро расцвѣтешь.

Мнѣ тайно вѣрится—ты все еще грустишь
О томъ, что сказано, о томъ, что не успѣто...
О, разберись въ пыли истлѣвшаго букета:
Одинъ бы лепестокъ! — и ты меня простишь,
Мнѣ свято вѣрится!..

1910. Февраль.

ЧЬИ ГРЕЗЫ?..

Я пить люблю, пить много, вкусно,
Сливаясь пламенно съ виномъ.
Но размышляю объ одномъ
И не могу рѣшить искусно.

Да, мудрено рѣшить мнѣ это
(И въ этомъ вся моя вина!):
Поэтъ ли хочетъ грёзъ вина,
Вино ли проситъ грёзъ поэта?

1909.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

(Арія Лотаріо).

Спи-усни, дитя-Миньона,
Улыбаяся шутя...
Спи-усни безъ слёзъ, безъ стона,
Утомленное дитя.

Замокъ спитъ, и спятъ озера,
Позабудь скитаній дни,
Съ голубой надеждой взора
Незабудкою усни.

Сердце, знавшее уроны,
Зачаруй въ уютномъ снѣ, —
И растаетъ грусть Миньоны,
Какъ снѣжинка по веснѣ.

1908. Ноябрь.

МАДРИГАЛЪ.

Ал. Ал. Наумовой.

Часто вы мнѣ грезитесь фіалкой —
Этимъ нѣжнымъ, ласковымъ цвѣткомъ;
Иногда — таинственной русалкой,
Воплощенной грезящимъ умомъ.
Иногда—принцессой кроткой, хрупкой,
Милосердной даже къ комару;
И всегда — свободною голубкой,
Ввысь летящей къ правдѣ и добру!

1907.

ПОВСЕМѢСТНАЯ.

Ея глаза, глаза газели,
Синѣютъ въ усикахъ рѣсницъ.
Она опуститъ очи ницъ,
И щеки вдругъ зарозовѣли.

Въ устахъ змѣящійся укусъ,
Лицо мѣняетъ безпрестанно.
И волосы, длиннѣе стана,
Немного приторны на вкусъ.

Безкрылой похоти раба,
Она приниженно кичлива.
Эскизъ готовъ. Пошлорѣчива
Моей натурщицы судьба.

1911. Іюнь.
Елисаветино.

ПО ВОСЕМЬ СТРОКЪ.

I.

Вы стоите на палубѣ за зеркальною рубкою
И грызете, какъ бѣлочка, черносливную косточку...
Вы — такая изящная и такая вы хрупкая,
Вы похожи на дѣвочку и немного на ласточку...
Улыбаются весело два матроса у румпела,
Капитанъ донжуанствуетъ, вамъ стихи декламируя,
О таинственномъ крейсерѣ, о голубкѣ подъ куполомъ,
То чаруя मореллою, то Дарьяльской Тамарою...

1910.

II.

Карменситѣ.

Въ тебѣ столько нѣжности тихой,
Но, время бездумно влача,
Ты скрыла ее подъ шумихой
Такого жъ бездумнаго дня.
Но въ каждомъ движеньи плеча
И въ склонѣ твоемъ надъ гречихой —
Въ тебѣ столько нѣжности тихой...
О, если бъ она для меня!

1910.
Саблино.

III.

Я приду къ тебѣ, еврейка,
Въ звѣздномъ плескѣ сонныхъ струй.
Отворяй-ка поскорѣй-ка,
Отвори и не горюй!
За любовь плати любовью,
За измѣну отомсти:
По холмистому горбовью
Трупъ мой въ озеро спусти...

1910.

РОНДЕЛЬ.

От Солнца я веду свой древнiй родъ!

Мирра Лохвицкая.

„Отъ Солнца я веду свой родъ!“
Сказала доблестная Саба.
Въ краю банана, змѣй и краба
Жилъ впечатлительный народъ.
Царь словъ обратно не беретъ,
Когда звучатъ слова не слабо...
„Отъ Солнца я веду свой родъ!“
Сказала доблестная Саба.
Всегда вѣнецъ! всегда впередъ! —
Вотъ лозунгъ знойнаго араба.
Но въ небѣ грянула гроза бы,
Когда бы смѣлъ воскликнуть „кротъ“:
— Отъ Солнца я веду свой родъ!

1911.

ПОЛУСОНЕТЪ.

Твои горячіе кораллы
Коснулись блѣднаго чела,
Какъ сладострастная пчела, —
И вотъ въ душѣ звучатъ хоралы.
Моя тоска меня карала,
И я не пѣлъ, и пѣть не могъ.
Но ты сняла съ души забрало
И съ пѣсни рыцарской — замокъ.

Безъ жизни жизнь и сонъ безъ сна
Теперь окончены. Весна
Моей любви поетъ и трелитъ...

Спѣши вдыхать весны цвѣтокъ,
Спѣши! И радости потокъ
Насъ захлестнетъ, но не раздѣлитъ!

1909.

ВАНДА.

Октавы.

Посв. *В. В. Уварову-Надину.*

1.

Грустила ночь. При чахломъ свѣтѣ лампы
Мечтала Ванда, кутаясь въ печаль;
Ей грезился дурманъ блестящей рампы,
Ей звуковъ захотѣлось, — и рояль
Ее дразнилъ прелюдіей изъ „Цампы“
Она встаетъ, отбрасывая шаль,
И медленно подходитъ къ піанино
Будить его отъ грезящаго сплина.

2.

А ночь глядитъ въ растворенную дверь,
Вся трепеща и прислонясь къ верандѣ...
Какъ дѣвушка взволнована теперь!
Какъ дышитъ ночь душисто въ душу Вандѣ!
Мотивъ живитъ... И если бъ *вѣчный* звѣрь
Его услышалъ, если бъ звѣрской бандѣ
Онъ прозвучалъ, — растроганное зло,
Хотя бъ на мигъ, любовью мысль зажгло.

3.

...О, чаровница-музыка, тебѣ
Крылю восторгъ, пылаю ѳиміамы!
О власти мысль внушаешь ты рабѣ,
Ребенка устремляешь къ сердцу мамы,
Туманишь зло, зовешь любовь къ себѣ
И браку душъ поешь эпиталамы.
Тебѣ дано пороки побороть,
Гармонія, души моей Господь...

1908. Ноябрь.

НАСМѢШКА КОРОЛЯ.

Властитель умиралъ. Льстецовъ придворныхъ стая
Ждала его конца, сдувая съ горностая
Одежды короля пылинки, между тѣмъ,
Какъ втайнѣ думала: „когда жъ ты будешь нѣмъ?"

Ихъ нетерпѣніе замѣтно королю
И онъ сказалъ, съѣвъ ломтикъ апельсина:
— О, вѣрные рабы! Для васъ обижу сына:
Я вамъ отдамъ престолъ, я сердце къ вамъ крылю! —

И только онъ умолкъ, — въ разнузданности дикой
Взревѣли голоса, сверкнули палаши.
И вскорѣ не было у ложа ни души, —
Лишь двадцать мертвыхъ тѣлъ лежало предъ владыкой.

1911. Іюль.

Ст. Елисаветино, село „Дылицы".

ЛЕОНИДУ АФАНАСЬЕВУ.

„У плотины старой мельницы“.
Леонидъ Афанасьевъ.

Ваши милыя мелодіи,
Гдѣ воспѣли вы нашъ садъ,
Какъ волшебныя рапсодіи —
Души многихъ вдохновятъ.

Такъ любовна и такъ красочна,
Другъ мой, ваша акварель;
Цѣломудреннна и сказочна,
Какъ на сѣверѣ апрѣль.

Если снова на свободѣ я
Заберусь въ мой старый садъ,
Пріѣзжайте, — и мелодіи
Ваши снова зазвучатъ!

1908 г

ОТВѢТЪ Л. АФАНАСЬЕВУ НА ЕГО ПОСЛАНІЕ.

Ты шелъ дорогою проѣзжей,
И былъ твой шагъ трудолюбивъ.
А я парилъ въ лазури вѣщей,
Весь міръ въ осколки раздробивъ!

Ты робко пѣлъ и робко шелъ ты,
Боясь прохожихъ обогнать...
Листъ зеленѣлъ, потомъ сталъ желтый, —
Зазеленѣетъ ли? — Какъ знать!

Ты измѣнилъ Лунѣ и Нимфѣ,
Измѣной поругавъ сердца...
Но пусть шалашъ твой на Олимпѣ —
Напротивъ моего дворца!

1910.

ИЗМѢНА МАЯ.

Я родился въ маѣ, въ мѣсяцѣ весеннемь,
Звонкомъ и веселомъ,
Шумномъ и душистомъ,
И сказали розы: „Мы тебя одѣнемъ
Свѣтлымъ ореоломъ—
Какъ молитва, чистымъ".

Улыбнулось солнце, солнце засверкало,
Ласковымъ привѣтомъ
Чествуя рожденье;
Солнце загорѣлось, запылало ало
И зажгло поэтомъ
Съ искрой вдохновенья!

Разодѣтъ цвѣтами съ дѣтской колыбели,
Я запѣлъ соловкой
Радостно и звонко,
Запечатлѣвая міръ, гдѣ всѣ скорбѣли,
Юною головкой
И душой ребенка.

Время шло,—и солнце потускнѣло въ тучахъ,
Лаской не блестѣло,
Злоба пѣснь косила;
Опадали розы при вѣтрахъ летучихъ,
Истомилось тѣло,
Притупилась сила.

Время шло... И радость дней моихъ весеннихъ
Растопилась въ слёзахъ,
Сердцу не внимая;
И теперь я пла̀чу, пла̀чу на колѣняхъ
О погибшихъ грезахъ,
Объ измѣнѣ мая!

1908. Февраль.

НЕРАЗГАДАННЫЕ ЗВУКИ.

Въ дѣтствѣ слышалъ я ночами
Звуки страннаго мотива.
Инструментъ, мнѣ неизвѣстный,
Издавалъ ихъ такъ красиво.

Кто игралъ? на чемъ?—не знаю;
Все покрыто тайной мглою;
Только помню, что тѣ звуки
Власть имѣли надо мною.

Ихъ мотивъ былъ такъ чарующъ,
Такъ возвышенъ, полонъ ласокъ;
Вмѣстѣ съ тѣмъ печаленъ, страшенъ—
Описать его нѣтъ красокъ.

Я боялся этихъ звуковъ,
Ихъ таинственнаго свойства,
Но когда я ихъ не слышалъ,
Я былъ полонъ безпокойства.

Я любилъ, когда незримый
Музыкантъ игралъ ночами;
Я лежалъ въ оцѣпенѣньи
Съ удивленными очами;

Я лежалъ въ своей кроваткѣ,
Щуря глазки и, дыханье
Затаивъ, ловилъ такъ жадно
Ихъ гармонію рыданья.

Звуковъ больше я не слышу.
Что они мнѣ предвѣщали?
Счастье ль въ мірѣ равнодушья
Или горе и печали?

Не нашелъ себѣ я счастья,—
Звуки горе мнѣ напѣли:
Я боялся ихъ недаромъ
Съ безмятежной колыбели.

А любилъ я ихъ, мнѣ мнится,
Потому, что эти звуки
Мнѣ сулили счастье въ смерти,
На землѣ напѣвъ лишь муки.

Знаетъ кто? быть можетъ, струны
Пѣли мнѣ слова Завѣта:
„Кто страдаетъ въ царствѣ мрака,
Насладится въ царствѣ свѣта".

8-го октября 1903 г.
Квантунъ, портъ-Дальній.

NOCTURNE.

Струи лунныя,
Сребострунныя,
Поэтичныя,
Грустью нѣжныя,—
Словно сказка вы
Льетесь, ласковы,
Мелодичныя
Безмятежныя.

Блѣдно-палевы,
Вдругъ упали вы
Съ неба синяго;
Льтесь струями
Со святынь его
Поцѣлуями.
Скорбь сіянія...
Свѣтъ страданія...

Лейтесь, вѣчныя,
Безпріютныя—
Какъ сердечныя
Слезы жаркія!..
Вы, безкровныя,
Лейтесь ровныя,—
Счастьемъ мутныя,
Горемъ яркія...

1908. Сентябрь.

ПЕРЕКАТЪ II.

Какъ эта грустная обитель,
Твое сердечко опустѣло.
Любовь, какъ ясный небожитель,
Въ немъ больше жить не захотѣла.

И вотъ глаза твои тоскливы,
Какъ эта грустная обитель.
Они угрюмы и пугливы,
Когда увидятъ бѣлый китель.

Я понимаю: обольститель
Убилъ любовь въ тебѣ измѣной,
Какъ эта грустная обитель
Вступаетъ въ бой съ морскою пѣной!

Дитя, взгляни: волна обратно
Бѣжитъ покорно. Такъ Спаситель
Тебя хранитъ,—ты благодатна,
Какъ эта грустная обитель.

1908. Декабрь.

НОВОГОДНЯЯ ЭЛЕГІЯ.

Съ новолѣтьемъ міра горя—
Съ новымъ горемъ впереди!
Ахъ, ни счастья, ни отрады,
Ни сочувствія не жди!

Прослѣди печальнымъ окомъ
Миновавшіе года:
Не дождался отъ нихъ счастья,—
Не дождешься никогда.

А съ какою ты недеждой
Имъ судьбу свою ввѣрялъ,
Вѣрилъ въ сбыточность мечтаній
И надѣялся, и ждалъ.

Не ищи въ унылой тундрѣ
Ароматныхъ яркихъ розъ,—
Не ищи любви и счастья
Въ мірѣ муки, въ мірѣ слезъ.

Не дождался—не дождешься,
Боль была и есть въ груди...
Съ новолѣтьемъ міра скорби—
Съ новой скорбью впереди!..

1908. 2-го янв.

ВСЕ ТО ЖЕ.

Все тѣ же краски, тѣ же типы
Въ деревьяхъ, птицахъ и цвѣтахъ:
Какъ вѣкъ назадъ—сегодня липы,
Какъ вѣкъ впередъ—любовь въ мечтахъ.

Строй мірозданья одинаковъ,
Почти разгаданъ, скупъ и плоскъ.
Но есть значеніе безъ знаковъ,
Есть знакъ, расплывчатый какъ воскъ.

1909. Іюль.
Мыза „Ивановка“.

* * *

...То будетъ впредь, то было встарь...
Онъ полюбилъ Мечту, рожденную мечтою,
И первую любовь, завороженъ святою
Своей избранницей, принесъ ей на алтарь.

Но полюсомъ дышалъ ея далекій взоръ,
Отъ вѣянья его увяли въ сердцѣ розы,
Въ глазахъ замерзли слезы...
И треснулъ формъ Мечты безжизненный фарфоръ!
— Фарфоровыя грезы!—

1908. Апрѣль.

ПРОБА ПЕРА.

Полна чаруйныхъ разочарованій
Весна въ лѣсу:
Крестьянку въ ало-синемъ сарафанѣ
На полосу
Хлѣбовъ, вчера посѣянныхъ, жду въ полдень,
Но —
И сыро, и темно,
И день такъ холоденъ...

1914. Іюль.
Мыза „Ивановка“.

ЦВѢТЫ и ЯДОЦВѢТЫ.

Цвѣты не думаютъ о людяхъ,
Но люди грезятъ о цвѣтахъ...
Цвѣты не видятъ въ человѣкѣ
Того, что видитъ онъ въ цвѣткѣ...

Цвѣты людей не убиваютъ —
Цвѣты садовъ, цвѣты полей...
А люди ихъ срываютъ часто!
А люди часто губятъ ихъ!

Порою люди ихъ лелѣютъ,
Но не для нихъ, а для себя...
Въ цвѣтахъ находятъ „развлеченье“,
Души не видятъ у цвѣтовъ...

Нѣтъ тяжелѣе и позорнѣй,
Судьбы доступнаго цвѣтка!
Но есть цвѣты съ инымъ удѣломъ:
Есть ядовитые цвѣты!..

Ихъ счастье въ томъ, что ихъ расцвѣта
Не потревожитъ человѣкъ...

1911. Февраль.

ПРОМЕЛЬКЪ.

Янтарно-гитарныя пчелы
Напѣвно доили азаліи,
Огимнивъ душисто-веселый
Свой трудъ въ изумрудной Вассаліи.

1911. Іюль.
„Дылицы“.

МИРРЭТЫ.

Зоюсѣ.

Въ березовомъ вечернемъ уголкѣ
Съ тобою мы на липовой скамейкѣ.
И сердце бьется зайчикомъ въ силкѣ.
Олуненныя тѣни, точно змѣйки,
То по песку, то по густой аллейкѣ
Въ березово-жасминномъ уголкѣ.

Жасминъ — мой другъ, мой вѣрный фаворитъ:
Онъ одышалъ, дитя, твое сердечко, —
Оно теперь душисто говоритъ,
Оно стрекочетъ нѣжно, какъ кузнечикъ.
Да освятится палевый нашъ вечеръ
И ты, жасминъ, цвѣтущій фаворитъ!

1911.

ЛЕПЕСТКИ ОЖИВАЮТЪ...

Эти люди не въ силахъ загрязнить то, что я любилъ въ тебѣ; ихъ слова падали подобно камнямъ, брошеннымъ въ небо и неспособнымъ смутить ни на минуту ясной его лазури...

М. Мэтерлинкъ.

Помнишь, Женя? — это было въ маѣ,
Года два, мой другъ, тому назадъ.
Если ты забыла, дорогая,
Не забылъ, быть можетъ, старый садъ.

Вечерѣло. Мы вдыхали струи
Вѣтерка, обнявшаго сирень.
Что за рѣчи! что за поцѣлуи!
Что за чудный, незабвенный день!

Подойдя задумчиво къ сирени,
Ты роскошный сдѣлала букетъ
И сказала: Вотъ тебѣ отъ Жени,
Получай, возлюбленный поэтъ!

Засмѣялась ласково и нѣжно,
Я пьянѣлъ, вдыхая ароматъ.
Ты взглянула въ очи мнѣ прилежно,
Прошептавъ: Мнѣ грустно, милый братъ...

Вздрогнулъ я, склонился на колѣни,
Я тебя, голубку, утѣшалъ
И тебѣ, моей любимой Женѣ,
Губки, глазки, ручки цѣловалъ.

...Мы разстались: мы съ тобой „не пара“,
Какъ сказали „добрые друзья“.
Но нельзя забыть признаній жара
И тебя нельзя забыть, нельзя!

И нельзя забыть былого тѣни,
Эти разъ любившія сердца,
Этотъ вздохъ, душистый вздохъ сирени,
Эти ласки, ласки безъ конца!

До сихъ поръ, тревожа и волнуя
Душу мнѣ, палятъ мои уста
Эти, только наши, поцѣлуи
Подъ охраной нашего куста.

О, когда бъ вернулись чувства мая,
Чувства наши свѣтлыя назадъ!
Помнишь, Женя? помнишь, дорогая?
Если ты забыла, помнитъ садъ.

1908. Февраль.

СЕРДЦЕ МОЕ...

Сердце мое, этотъ колосъ по осени,
Сжато серпомъ безсердечія ближняго,
Сжато во имя духовнаго голода,
Въ славу нетлѣнныхъ устоевъ Всевышняго.

Пусть же слѣпые жнецы, безсознательно
Сжавшіе сердце мнѣ многолюбивое,
Имъ напитаются съ мысленнымъ отблескомъ
Радуги ясной, сулящей счастливое.

1908. Августъ.
Мыза „Ивановка“

МОЛЧАНЬЕ ШУМА.

Убійцей жизни, мысли пробужденья,
Порывовъ свѣтлыхъ, воздуха и грезъ —
Преступнымъ городомъ — убійцей вдохновенья —
Ползу среди ударовъ и угрозъ.

Ползу безъ направленья, безъ сознанья,
Безъ чувствъ, безъ глазъ, безъ слуха и безъ
силъ...
И шумомъ города смѣется мнѣ Молчанье
Мертвѣе, безнадежнѣе могилъ.

1908. Мартъ.
Петербургъ.

ЧТО ТАКОЕ ГРЁЗА?

Что такое — грёза? Что такое — грёза?
Это мысль о розѣ, но еще не роза...

Что такое — грёза? Что такое — грёза?
Это бархатисто-нѣжная мимоза...

Что такое — грёза? Что такое — грёзы?
Это серафима блещущія слёзы!

1909. Май.
Мыза „Ивановка".

СТАНСЫ.

Счастье жизни — въ искрахъ алыхъ;
Въ просвѣтлѣньяхъ мимолетныхъ,
Въ грезахъ яркихъ, но безплотныхъ
И въ твоихъ очахъ усталыхъ.

Горе — въ вѣчности пороковъ,
Въ постоянномъ съ ними спорѣ,
Въ осмѣяніи пророковъ
И въ исканьяхъ счастья — горе.

1907.

ТРІОЛЕТЪ.

П. А. Ларіонову.

Мнѣ что-то холодно... А въ комнатѣ тепло:
Плита натоплена, какъ сердце нѣжной лаской.
Я очарованъ сна загадочнюю сказкой,
Но всё же холодно, а въ комнатѣ тепло.
Разсудокъ замеръ. Скорбь цѣлуетъ мнѣ чело.
Таинственная связь грозитъ своей развязкой,
Всегда мнѣ холодно... другимъ всегда тепло!..
Я исчервлёнъ тепломъ, какъ сердце — ѣдкой лаской...

1909. Май.
Мыза „Ивановка“.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Розирисъ.

II. Незабудки на канавкахъ.

Книги того же автора:

Громокипящій кубокъ. Изд. VII. Книгоиздат. „Грифъ". Москва. 1915 г. Цѣна 1 руб.

Златолира. Изданіе IV. Книгоиздательство „Грифъ" Москва. 1915 г. Цѣна 1 руб.
